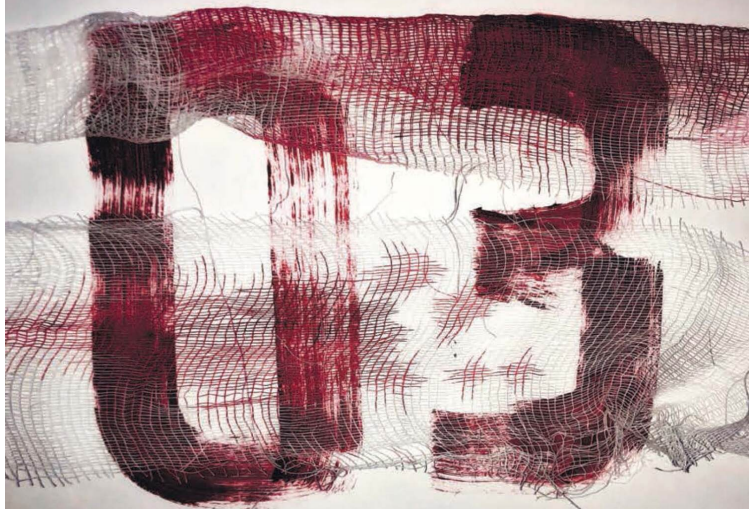

«Покой бывает двух видов:
приемный и вечный».

мой телефон

«Надежда — сильнодействующее
средство с кучей побочных эффектов».

МАРИЯ КИМ

Мария Ким
Мой телефон 03
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64734377
Мой телефон 03: [роман]. – Ким М.: Городец; Москва; 2021
ISBN 978-5-907358-37-9

Аннотация

Минуты, проведенные нами в скорой помощи, надолго остаются самым тяжелым воспоминанием в нашей жизни. Мы помним боль, страх и свою растерянность от того, что весь привычный нам мир остался за гулко хлопнувшей дверью машины с красным крестом. Но мы не помним врачей. Книга молодой писательницы Марии Ким детально, ярко и талантливо восполняет этот пробел. Медики смешные, грустные, добрые, злые, уставшие как собаки – все они здесь. И каждый прописан сильной рукой. *Sine ira et studio*, если говорить на их языке.

Содержание

Вечность выходного дня	5
Я вас не слышу	31
Несрочный вызов	52
Мама, я на вызове!	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Мария Ким

Мой телефон 03

Роман

© М. Ким, 2021

© ИД «Городец», 2021

*В книге сохранены особенности авторской
орфографии и пунктуации*

Вечность выходного дня

*Если птица нахохлилась, то жить ей осталось
от силы пару часов.*

Разговор в больничной палате

У каждого горя свой запах. Старость пахнет мочой, нафталином и пылью. Болезнь – остывающей землей и гнилыми яблоками, нищета – фанерной трухой и дешевым стиральным порошком, безысходность – водочным перегаром и просроченной килькой. От меня пахнет мочой, нафталином, антисептиком, потом и разогретой обшивкой сидений «газели». Болезнью, старостью, безысходностью и километрами городских улиц. Я – фельдшер скорой помощи. Я знаю, что от жизни до смерти всего несколько шагов. Что покой бывает двух видов: приемный и вечный.

– Бригада Мироновой, 187 машина, Миронова, поехали!

На моем будильнике стандартная мелодия звонка, но порой спящий мозг по своей сонной прихоти переделывает ее в другие не менее знакомые и вызывающие раздражение сигналы. Например, голос диспетчера, объявляющего вызов. Миронова – это я. Доброе утро.

Год назад я выпустилась из медколледжа с дипломом фельдшера скорой помощи. Уже почти год работаю на скорой. На скорой при желании и хорошем здоровье можно за-

работать на квартиру, но пока я живу в общежитии при областной больнице. Мои соседи – медики разной степени квалификации, местные и приезжие. Большая часть из нас работает в больницах и поликлиниках нашего небольшого города, часть поехала из деревни на учебу, пройдет аккредитацию и вернется домой. До смены остается два часа.

Моя соседка по комнате работает медсестрой в детской поликлинике. У Саши смена начинается в девять, но она встает раньше меня, чтобы сделать укладку, нанести макияж и выгладить все стрелочки на белоснежном халате. Мне красоту наводить бесполезно, к концу смены все помнется и смоеется, а халаты фельдшера скорой не носят, примета плохая. Моя форма – это васильковые штаны со светоотражателями и жилетка, расписанная медицинскими символами и буквами «СКОРАЯ ПОМОЩЬ 03», напечатанными на спине той же светоотражающей краской. Васильковый мне нравится. На нем не так хорошо видна кровь, а в дневное время на дороге он довольно заметный. Я открываю холодильник, выгоняю оттуда стайку тараканов, сметаю с полки заготовленные бутерброды в рюкзак и ухожу. От общежития до станции 30 минут пути: 10 на трамвае и 20 пешком. Должна успеть.

Подстанция скорой помощи моего района занимает флигель трехэтажного жилого дома и парковку напротив через дорогу. Вход на станцию найти нелегко, он прячется во дворах, однако местные жители все равно приходят, когда кому-то плохо, поэтому угадать сложно, есть ли шанс с

утра полежать на диванчике в фельдшерской или работа будет поджидать на пороге. Дворами я подбираюсь к серому флигелю с остатками розовой штукатурки и набираю на кодовом замке железной двери две цифры. Дверь открывается.

На первом этаже станции тепло, но сквозняк. Это заставляет диспетчера, дежурящего на селекторе, то одеваться в форменную жилетку и заматываться в шаль, то снимать с себя все теплые вещи. Пациентов пока не видно.

– Дверь! – истерично закричала диспетчер и поплотнее запахла жилетку.

Селектор при этом она зачем-то включила, усиленный динамиками возглас прокатился по подстанции, и я услышала, как на втором этаже что-то упало и проснулось. Когда низкорослая татарочка Сима кричит в микрофон, игнорировать ее приказы нет никакой возможности. Я развернулась и потянула дверную ручку на себя. Стальная громада неожиданно легко подалась и грохнула на весь первый этаж. Эхо динамиков разнесло весть о моем прибытии на всю подстанцию. Нечто, ранее упавшее, подскочило, матерно выругалось и побежало по лестнице вниз. На всякий случай я убралась с его траектории, ввалившись в диспетчерскую.

– Дверь! – Сима снова истерично завернулась в жилетку, на этот раз по поводу двери в диспетчерскую, и, наконец выдавив кнопку селектора в положение «выкл», добавила: – Вон отсюда!

Я вынырнула из диспетчерской, но заметила лишь неяс-

ную тень с широким шагом и взметнувшиеся полы белого халата. Халаты на станции носят только врачи. Сима никому вызов не объявляла, похоже, разбуженному доктору что-то привиделось, сейчас остынет на улице, перекурит и вернется сдавать смену.

Дверь снова грохнула и пропустила внутрь пышнотелую фигуру Анны Ивановны, разом занявшую все свободные промежутки в узком коридорном пространстве. Анна Ивановна влилась в помещение плавно и уверенно, на ее полных щеках расцвел утренний румянец, лицо светилось улыбкой.

– Всем доброе утро! Серафима, какая со мной сегодня девочка работает? – Анна Ивановна немного задыхалась после ходьбы, но выпевать каждое предложение у нее, тем не менее, получалось.

Орать на Анну Ивановну Сима категорически не могла, а потому, опустив глаза, прошипела: «У вас мальчик!» – и швырнула из окошка бригадный лист. Бригадник спланировал точно под светлый взгляд Анны Ивановны, она пробежалась по нему глазами и довольно кивнула. Я с напряженным вниманием ожидала, когда она озвучит, какая все-таки девочка с ней работает. Наконец Анна Ивановна что-то беззвучно обозначила для себя одними губами, и это что-то на мою фамилию даже близко не походило. Не то чтобы я расстроилась, но, когда Анна Ивановна из коридора перетекла на лестницу, я подхватила бригадник и обнаружила свою фа-

милию напротив фамилии Айны.

Согласно заведенному порядку, бригады скорой помощи формируются из двух фельдшеров или одного врача и одного фельдшера. Врач или более опытный в команде называется первым номером, а фельдшер помоложе – соответственно, вторым. Третьим и весьма важным лицом выступает водитель, четвертым – непосредственно автомобиль, который большая часть водителей привыкла считать за живое существо и полноценного члена команды. Все эти персонажи меняются друг с другом от смены к смене, кроме водителей, они всегда закреплены за своими машинами. Некоторые фельдшера пытались закрепиться друг с другом, однако спустя десяток совместных смен между собой не сживались и ссорились и снова уходили в свободное плавание. Не знаю, как в масштабе вселенной, а на нашей подстанции фельдшер – существо одинокое.

Я поднялась на второй этаж. Мысли об Айне продолжали меня беспокоить, но чем ближе я подходила к дозаправке, тем активнее мой мозг оккупировали мысли насущные и неотложные. Пришло время получать аптеку.

Я – второй номер, а второй номер несет ответственность за расходники и медикаменты. В дозаправке заспанная фельдшер Неля выдает мне оранжевый чемодан-аптечку, термоконтейнер с растворами, укладку с наркотическими. В моечной я беру чистое желтое ведро – желтый означает «биологические отходы». На длинном столе рядом с

дозаправочной вторые номера проверяют комплектацию аптеки перед сменой. В аптеке должны быть ампулы, шприцы, перевязочный материал, системы, катетеры, два жгута и еще целый список значимых мелочей, в растворнике – флаконы, требующие температурного режима. В желтом ведре скоро будет мусор, оставшийся от жизнеспасующих процедур. Расписываюсь за наркотические, докидываю расходники в укладку, груженная чемоданами, выбираюсь в фельдшерскую и вижу Айну.

Айна считается первым кошмаром подстанции, хотя и выглядит вполне безобидно. Ей на вид лет 70, ходит она неторопливо, но уверенно, всегда завернута в теплую пеструю шаль и темный платок. На ногах у нее адидасовские кеды, разношенные до фасона галош, под галошами – две пары шерстяных носков. Галоши на станции она сняла, расположила болезненные ноги на диване как ей удобно и лузгает семечки.

Фельдшеру, попавшему в бригаду к старушке Айне, можно лишь посочувствовать. Айна работает на скорой не первый десяток лет, многое знает, много умеет и обладает невыносимым характером. Опыту Анны Ивановны тоже можно позавидовать, но Анна Ивановна совсем не имеет острых углов, текуча и спокойна, как широкая река. Айна будто состоит из одних крючков и зацепов, этими крючками она держится за все, что приносит в этой жизни доход. От дела к делу Айна не может перебраться, кроме как цепляя свободный

крючок к новой прибыли, прежде чем отцепиться от прежнего источника дохода. Айну несложно понять, она тянет на себе всю свою многолюдную южную семью, но Анна Ивановна, к примеру, никогда чаевых на адресах не выпрашивает, и тем не менее не было адреса, где ей за доброту душевную не подарили бы полбатона колбасы. Айна много делает руками, не отпустит пациента, пока не посмотрит, не послушает, не пропальпирует. Анна Ивановна к больным и близко не подойдет, глядит на хворь как из-за ограждения в зоопарке и делает выводы. В диагностических способностях Айна и доктор считаются равными.

– Это ты? – спрашивает она скрипуче и внимательно смотрит черным дагестанским глазом.

– Я.

– В конце смены лишние шприцы останутся, мне отдашь. – Она отворачивается и сплевывает шелуху. Разговор окончен.

– 187-я машина, Миронова, Айна на вызов, вызов срочный!

Подхватываю сумки, бегу к выходу. Через четыре минуты после назначения вызова бригады на станции быть не должно. Перехожу дорогу на красный, машины тормозят резко, со скрипом, сигналият, но я не оборачиваюсь, мне можно. Я – скорая. На парковке с десятков автомобилей. Это пересменка, обычно их не больше двух. В пересменку все машины возвращаются на станцию, меняются бригады, заправляют-

ся сумки, заряжается аппаратура. Механики копаются в моторах и чинят то, что успела поломать ночная смена. В холодное время года на парковке всегда лед, по ночам шоферы моют машины.

Я скольжу по намерзшему за ночь, подбираюсь к машине, размышляя о том, что сентябрь выдался странным. Айна в машине, хотя, кажется, минуту назад спокойно лежала на своем любимом диване и никуда не собиралась уходить от горки налузганной подсолнечной шелухи и развешанных по батарее носков. Со старыми фельдшерами всегда так: не поймешь, в какой момент и куда они телепортируются. В машине Айна достает очередную горсть семечек, надевает очки для близи, озвучивает адрес вызова и требует «покрутить радио погромче». Водитель, тихий и сиплоголосый, из тех шоферов, которые предпочитают не отвечать. Я разглядываю тощую фигуру, выпирающие из-под кепочки уши, вспоминаю, что его зовут Красава-Толян, причем «красава» добавляют, когда под управлением Толи на дороге происходит нечто достойное восхищения или же доезд составляет рекордно короткий срок. Но такое происходит нечасто, стоит отвернуться от Толяна, и о его существовании мозг начисто забывает, едет машина, и ладно. Я отворачиваюсь.

Машина набирает скорость, и вслед за оборотами двигателя мои мысли становятся все обрывочней, а события разворачиваются и сменяют друг друга с частотой, недоступной адекватному восприятию. Идет смена.

94 года, сердце. 7 минут в пути. Старенькая пятиэтажка, деревянные лестницы. Хозяйка – сухая старуха на инвалидной коляске – сидит, завалившись на одну сторону, прикрыв глаза, как очень уставшая птица.

– Где болит, бабуль?

– Сердце... В левое ребро... – Голос – скрипящие половицы.

Оставляю сумки на изрезанном щелями деревянном полу, с опасением присаживаюсь в готовое трухой рассыпаться плетеное кресло. Паспорт, страховой. Пока первый номер проводит опрос, надо успеть записать данные.

– На вдохе усиливается?

– Да.

Айна выбрала себе место поближе к батарее и дневному свету, сняла свои кеды-галoши, закинула ноги на мой чемодан, думает. Снимает и снова надевает очки. Диагноз ясен.

– Это не сердце, продуло тебя. Кеторол ей, Маш. В больницу поедem?

– Это куда?

– На Мирную.

– Далеко. Я обратно не доберусь.

– А родственники?

– Внучка год назад замуж вышла и съехала. За укольчик спасибо.

– Вот здесь распишитесь, пожалуйста.

Выходим на улицу. Недомогание бабушке обезболили, ке-

торола хватит на полчаса, потом надо выпить еще таблетку или сходить уже в поликлинику, где терапевт пропишет подходящее лечение. До аптеки она не дойдет, до поликлиники тоже. Я больше не увижу ее, скорее всего, а мне порой не хватает знаний о том, что происходит с пациентами после того, как мы их покидаем.

За год их объезжено столько, что мой мозг думает – после они просто перестают существовать.

* * *

15 минут в пути. Задержка вызова – два часа. Частный дом, не достроен. Встречает дочь. Женщина в возрасте, значит, мама совсем уже в годах. Пахнет выпечкой, чем-то неуловимо детским. Одиночеством и потерянностью не пахнет, здесь каждый кому-то нужен. Боль есть, тревога, беспокойство. И дети. Да, здесь живут дети.

«Плохо, температура, сердце, болит нога». Глюкоза 7,7, фибрилляция предсердий, бледность, изъязвление левой конечности. Минуту Айна задумчиво смотрит на больную, как будто не видит, а затем внезапно находит ответ:

– В ноге тромб, в сосудистый.

И мы летим по встрече под завывание сирены, легковушки шарахаются в сторону, кто-то гневно сигналист. Я в салоне с пациенткой, Айна на переднем сиденье, это она распорядилась ускориться, вот Толян и едет со светомузыкой. Ма-

шину трясет на разбитом асфальте, мимо проносятся многоэтажки, на переходе – красный, носилки скрипят, бледные потные пальцы вцепились в брезент. Спит или без сознания? Считаю пульс, сбиваюсь, трясусь за плечо. Нам не подчиняются ни жизнь, ни смерть, а мы вынуждены принимать решения, которые могут спасти, могут убить, но чаще оставляют все как есть.

Хирург в сосудистом интеллигентно опрятен и никуда не спешит. Меняет перчатки после каждого больного, очередь быстро подбирается к нашей. Ему времени для диагностики надо еще меньше, чем фельдшеру Айне.

– Нет тут никакого тромба. Диабетическая стопа.

Отписывает, направляет в гнойную хирургию, это на другом конце города, исключить рожистое воспаление, потом еще куда пошлют. Больше сирену не используем, это когда Айна думала на тромб, намертво перекрывший кровоток в сосуде. От рожи нога в ближайшие два часа не отвалится. Катать пациента из больницы в больницу при нашей работе одно удовольствие, если он, конечно, стабилен, главное – к обеду успеть.

В планшете обновляю статус бригады: «Вернуться на подстанцию».

– Айна, я поесть-то успею?

– Попробуй.

Айна достает свои банки и контейнеры из холодильника, накрывает поляну. На обед у нее каша в одной банке, в дру-

гой – фаршированный перец, к чаю варенье и осетинский пирог. Я Айне понравилась. Она меня приглашает угоститься и разрывает пирог на кусочки заскорузлыми пальцами, ножа на станции нет и никогда не было.

– Тебе сколько лет? – Айна резко вскидывает на меня ключий черный глаз с белым пятном на радужке.

– Д-двадцать четыре, – растерявшись, я даже пересчитываю годы, чтобы не соврать.

– Старовата, – бормочет старуха, проворачивая в уме какую-то внутреннюю бухгалтерию. – Гуляешь?

– Что?

– Не, глаз скромный. Вот если нервы... У тебя дистония?

– Откуда вы.

– Переживаешь, сгоришь. Мужика пора заводить.

– Да я на квартиру все никак не. – понимаю, что старуха шутит, пытаюсь улыбнуться, Айна серьезна, сосредоточенна, а на слове «квартира» заметно оживилась.

– Успеешь, – обрывает она, – у меня внук твой однолесток, свести бы вас.

И молча впивается в меня глазами. Взгляд скользит по моей фигуре, я следую за ним, углубляясь в извилистый ход ее мыслей, и вдруг обнаруживаю свой облик, описанный цепкими крючками-мыслями старухи. Упряма. На квартиру, может, и заработает, а пока руки не знает куда девать, еще и худоба, вегето-сосудистая дистония, намучается внучок с ней. Да и характер! Вон как зыркает! А таз широкий, детей хоро-

шо родит... Да и не горских кровей. Айна еще раз взвешивает, решительно ставит на мне крест и закрывает глаза.

Кухня пахнет хлоркой и клопами (примерно так производители чайных пакетиков представляют себе аромат клубники). Торопливо пью чай, телепатически ощущая, как на центральной без перерыва звонят телефоны. Диспетчер снимает трубку, передает вызов на подстанцию. Селектор шипит, как обостренный астматик: «Миронова, поехали!». Не успела.

– Вызов уличный, остановка в сторону аэропорта. Что у нас с укладкой?

– Катетеров нет.

– Совсем?

– Да.

На остановке пустой троллейбус, кондукторша поддерживает за локоть старушку, божий одуванчик.

– Я в троллейбус, а они. вытолкнули, и в ребре хрустнуло.

Загружаю бабку в салон, от души хлопая дверью. Потом, когда мне выпадет счастье ехать на иномарке, испуганный водитель перекрестится и выдаст неизменное «это вам не жигули».

– И завезли куда, непонятно, и как отсюда добираться, денег-то на такси нет. – жалуется нараспев, кивая головой на каждом слове. – А чего стоим-то, дочка?

– Пробка.

– У вас же сирена?

– Только на экстренный. Будет кто умирать – включим.

Склоняет голову набок, пару минут раздумывает, подгребают к себе сумку и уверенно дергает ручку двери.

– Пойду я, моя остановочка.

С переднего сиденья разухабистое фельдшерское: «Ска-тертью дорожка».

– Стойте, вы куда?! – чувствую себя одиноким адекватом в этом дурдоме на колесах. – Нельзя так! Я что потом скажу, когда спросят, куда пациентку дели? «Вышла на перекрестке?»»

И вправду вышла. Айна заглядывает в салон, смеется золотыми зубами:

– Сбежала? Бывает, у нас код на случай «09-ушел из машины».

Убираемся с перекрестка, находим дорогу поспокойнее, тормозим на обочине на аварийках, берем следующий вызов. Надо, кстати, коды повторить, я достаю из кармана блокнот со шпаргалками: «01-оставлен на месте, 02-отказ от госпитализации, 03-отозван диспетчером, 05-дверь не открыли» и еще 11 штук на все ситуации.

Статус – «Бригада свободна. Решение. Возвращение». На полдороге вызов. «Задыхается. Пневмония? Бронх. астма?»

Дед худой до восковой желтизны над выпирающими костями, серые глаза-блюдца на истощенном лице. Верхушки легких заливаются свистом, в нижних отделах – тишина. «У него вроде онкология, а может, и нет, ждем очереди на МРТ». Электроды кардиографа не держатся на остро высту-

пающих ребрах, с трудом записываю кардиограмму – норма. Дыхание в нижних отделах легких не прослушивается. Гемоторакс? Ателектаз? Когда фельдшер сомневается в диагнозе, он набирает старшего врача. Айна знает, что ей скажут, за годы работы она впитала в себя все их знания и опыт, старшие врачи ей не нужны.

– Гидроторакс и в дежурную терапию.

– У них даже пульмонологии нет!

– Кислород.

Приемник в Клиниках открыли только вчера, строительная пыль тут же забивает бронхи. К хирургу очередь из стонущих, истерящих, беспомощно жмущихся по углам. Врач мечется по приемному, громко ненавидит скорую, завалившую его срочняками. Рентген не сделан, и он размахивает перед носом фельдшера кардиограммой.

– Какой гидроторакс? Вы там бензина нанюхались всей бригадой?

И выпроваживает за дверь.

Вывозим дедулю на коляске, родственница растерянно поддерживает колесо. Куда им теперь и что с ним? Знать бы, а неизвестно. Айна тянет ее в сторонку за локоть. Родственница, отойдя от больного, тут же срывается в путаный рассказ, повторяя про очередь на обследование и онкологию под вопросом.

– Рак у него, – говорит Айна, просвечивая черным глазом грудную клетку.

– А МРТ... – жалобно тянет племянница или дочь.

– Мне видно, – обрывает Айна, – долго ждали. В глаза смотри ему, видишь? Глаз как блестит, метастазы в печени, печень желчь под кожу гонит, и мозг отравило, все, нет печени. Теперь только помогать.

Родственница накидывается с вопросами, Айна отвечает. Ее объяснения сводятся к тому, что рак с метастазами в печени лечить – только мучать, а паллиативную помощь никто лучше родственников не окажет. Что в стационар по скорой их теперь не возьмут, потому что скорая в онкоцентр не возит, это поликлиника направление дает, и поликлиника виновата, что у них больные по несколько месяцев в очередях стоят. Что деду совсем скоро понадобится ставить системы, сбивать температуру и сливать мочу, и нужен для этого на дому свой медработник.

– Короче. Надумаете, помогу. – И решительно диктует свой телефон.

В свободное от первой и второй работы время, а подрабатывает она, торгуя на рынке, Айна ходит по домам и ставит хроникам за отдельную плату капельницы. Клиентов она набирает на скорой. Системы у Айны стоят дорого, но родственники на услугу соглашаются, Айна умеет продать. За совет и человеческое отношение родственники подсовывают ей в карман купюру, я отворачиваюсь. С фельдшерами Айна никогда не делится.

– Убейте меня... Яду дайте... Сил уже нет никаких...

Она похожа на очень старое кривое дерево, морщинистое, не раз битое молниями, с хрупкими толстыми наростами коры и звенящими жилами.

– Я уж ей говорила. Убей меня. Хоть вы, а?

– Мама, что ты такое говоришь! – дочка, а может, внучка. – И так целыми днями, то яду ей, то убей меня.

Она не может ходить, у нее отекающее, будто высеченное из камня лицо, ноги – деревянные колодки, вода сочится по мелким язвам, на пятке гнойный пролежень. Я смотрю на нее и понимаю, что смогла бы.

Набираю шприц, натягиваю прозрачную кожу, вены скользят под ней, как будто стеклянные. Они стекло и есть, хрупкие и скользкие, едва заденешь иглой, под кожей надувается синяк.

– Войну. Выжила. Всё бросили. Наши бросили. И потом. Жила. И в Донбассе. Выжила. Хватит с меня, а? – И смотрит безумными заплаканными глазами.

– Мы ее вдвоем не утащим. Мужчин бы, на носилках нести, есть в подъезде?

– Да откуда?

Выглядываем из окна во двор.

– Вот здесь молодые люди пиво пили, где они теперь?

Может, синяя люстра напомнила им полицейскую машину, а может, ассоциативный ряд был иным, но только на лавочке больше никого нет.

Раньше на скорой были ставки выездных санитаров, сейчас нет, сократили. Водителю машину покидать нельзя. Старший фельдшер старается писать бригадник, чтобы из фельдшеров в машине был хотя бы один мужчина, но это далеко не первоочередной момент из тех, что в бригаднике сложно предусмотреть. Начальство рекомендует привлекать прохожих и соседей для носилочной транспортировки. Человека средним весом килограммов 70 унесут трое-четверо мужчин, в бабушке 60 где-то, если на мягких носилках, троих все же надо. А представьте теперь, если сто тридцать? Бывают и такие.

– Может, волонтеров? Я не знаю... – беспомощно смотрю на Айну, старуха спокойна, что-то вычисляет про себя.

– Довели! – вдруг срывается она на дочку. – Ногами идти не может! А мы вам носильщики или кто? Мы скорая!

Дочь извиняется, говорит что-то про санитаров и что в прошлый раз были два парня-фельдшера, вот она и подумала.

– Нет у нас санитаров! – обрывает ее Айна. – Уволили. У меня девочка сорок пять килограмм, а я вам что, семижильная? Носилки – это мне, кресло компьютерное – дочке.

Спускаюсь в машину, беру мягкие носилки-волокуши, поднимаюсь в квартиру. Девятый этаж, лифт грузовой. Все

равно сложно.

Айна уже распоряжается с доставленным офисным стулом, расстилает на нем волокуши, подкатывает приспособление вплотную к постели больной, обхватывает короткими руками такую же древнюю, как и она, старуху и швыряет ее в кресло, удерживая одно колесико ногой. Дочь тем временем дозвонилась в соседнюю квартиру, привела оттуда добровольца, жилистого мужика средних лет в растянутой майке-алкоголичке и трениках. Айна пристраивает его к стулу спереди, сама упирается сзади, вдвоем они переваливают стонущую пациентку через порог, вывозят из квартиры, спускают на лифте. Пандус в подъезде для инвалидов не предназначен, уж больно наклон крутой.

– Толкай! – командует Айна и торопится вниз, ловить съезжающую по склону старушку.

Больная кричит, Айна наготове, подхватывает съезжающее кресло, кружится с ним по подъезду, тормозя инерцию, сосед снимает происходящее на телефон.

* * *

Под кроссовками разлетаются брызги, водитель включает «дворники» и возвращается на парковку. Вечер, пересменка.

– Вокзальная, 8, это!

– А я говорю, Промышленная!

– Не тот подъезд, Айна! – орет водитель в матюгальник,

ай да Айна, даже Красава-Толян доведен до ручки. – Это Промышленная, 8!

– Ты куда нас завез, козел?

Я учусь быстро есть, быстро думать и писать, не забывать, где что лежит, запоминать все и сразу. Захожу на кухню, санитарка возле раковины уступает мне мойку.

– Давай вперед, тебе быстрее надо.

На суточную смену предусмотрены три перерыва по 30 минут, один обед днем, два – ночью. Минуту подняться, три минуты разогреть макароны в контейнере. Дождь за окном продолжает прибавлять людей, листья и мусор к асфальту.

* * *

«Прибытие на вызов. Доезд 8 минут». Общага аварийного состояния, в коридоре разбросана обувь, сушится белье, плачет ребенок и фантастическая вонь.

– У меня... Вот... Плохо мне.

– Прописки нет.

– Пиши «БОМЖ».

– Я не бомж! Я вот, хату снимаю.

– Давно пьешь?

– С 25. мая.

– И много?

– Литр-полтора в день.

– Козел ты.

– На воровском жаргоне козел – это сын проститутки. – Лицо запойного обретает интеллигентное выражение. – Так что я бы попросил.

– Сказала «козел» – значит, «козел». Топай в машину, сын проститутки!

– Девушка, а это... Меня там прокапают?

– Все вопросы к врачу.

– Девушка, а как вас зовут?

Этот вопрос уже мне. Огрызаюсь:

– Меня не зовут, я сама прихожу.

– Какая-то вы грустная, вроде и симпатичная.

Молчу.

– Нет, вы скажите, что случилось?

– Пациенты разговорами достают.

– Я же от души, думаю, красивая. – Во время разговора пьянчуга смотрит на меня, а разговаривает с ним Айна, голос и внешность в его фантастическом сознании странно перемешались, а тут вдруг разделяются, и он с ужасом переводит взгляд с одного фельдшера на другого.

– О своей поджелудочной лучше думай, – ставит точку в разговоре Айна и хлопает дверью.

Мы наращиваем стены язвительности и цинизма, отгораживаясь от боли, тупости и насилия. Быть злой легко и нестрашно. Я боюсь, что однажды мир станет добрым и пушистым, а я уже не смогу стать добрее.

– А в какую больницу поедем?

– Тебе не все равно?

– Я в четвертую не поеду, у меня там жена умерла.

* * *

Обычно фельдшера скорой попадают в вену при любом освещении и тупости иглы, ночью, с закрытыми глазами и со ста метров из арбалета. Я неправильный фельдшер. Я не попадаю ни с первого, ни со второго раза. Вены под иглой ломаются и кровят, раствор льется мимо, надувая под кожей пузыри. Над этой старушкой мы бьемся в четыре руки, залили кровью диван, убили три катетера, доступ есть. Айна рассердилась, зыркает на меня из-под широких бровей, но молчит, при пациенте ругать не положено. Ангинозные боли, как по учебнику, снимаются на игле. Сейчас мы повезем ее в кардиоцентр, и по дороге стенокардия купируется, после чего нас развернут в терапию закрываться гипертоническим кризом. В другой конец города, опять покатушки. Дождь по-прежнему поливает стекла машины. Я скучаю по солнцу.

* * *

«Вызывает сама. Причина: парализовало».

– Давно пьешь?

– Четыре дня. Мне нельзя...

– А чего тогда?

– Сорвалась.

Судорога. Больше ничего. Мальчишка с виду, по телосложению – года четыре, движения шестилетнего, речь бедная, невнятная, а выражения взрослые, глаза уставшего старика. Задержка развития. ДЦП.

– Маме больно? Мама заболела?

– Мальчик, принеси стакан воды. Хотя нет, куда тебе. Сиди тут!

– В больницу поедете? Ребенка есть с кем оставить?

– Да, соседка. Или муж.

– Плохо за тобой муж следит.

– Он только бьет, какое там. Родила вот чудовище!

– Мам, я буду скучать!

Женщина вздрагивает.

– Молчи! Что за рвань на тебе опять, почему не говоришь матери, что оборвался? Ты вообще что сегодня ел? – И захромала на кухню, подволакивая сведенную ногу.

Солнце, выглянув на полчаса, снова занавесилось дождем.

– Внимательнее! Быстрее! Точнее! – Айна все еще злится. – На вот, во дворе надергала, – протягивает три полужелтые сливы.

Мы не имеем права на ошибку, и это не мешает нам регулярно ошибаться.

В квартире запах запущенности и небрежности, запахи нищеты и боли. Включаю свет, по углам разбегаются тараканы. Их необыкновенно много, шагу нельзя ступить, чтобы кого-то не раздавить. Хозяин покрыт бородавками от кончиков пальцев до макушки, уродливые кисты размером с куриное яйцо свисают с локтей.

— Что за папилломы?

— Нейрофиброматоз.

— Повод вызова?

— Потеря речи, спутанность сознания... Уже три дня.

Логика наших граждан неуловима и прозрачна. Ждать три дня, чтобы вызвать скорую.

«Общемозговые симптомы, но острого ничего нет, и анамнез. Опухоль?» В больнице исключают инсульт, находят новообразование. Больного отправляют домой — онкологией экстренные службы не занимаются. Рассматриваю снимок. Неоперабельно. Ищу в себе хоть какие-то эмоции. Пусто. Жалости нет, да и бог с ней. А сострадание? Авиценна говорит, сострадать надо и любить больного. Я не умею. Не знаю, как это делается.

Чем ближе утро, тем более странные сны видят люди.

Ночная подстанция похожа на казарму, полупустую после какой-то особо кровопролитной войны. На расставлен-

ных по углам фельдшерской диванчиках свернулись неподвижные тела. Их невозможно разбудить случайным столкновением с мебелью или пожарной сиреной. Они поднимутся, когда услышат свою фамилию по селектору, и, даже не пытаясь проснуться, отправятся на ночную прогулку по насквозь больному городу. В темноте на полутонах переругиваются планшеты; вибрируют и пищат, подзаряжаясь, кардиографы и дефибрилляторы. Техника никогда не спит, но, в отличие от людей, чинить сама себя не умеет. Ровно в 3 селектор оживает, и диспетчер неумолимо называет фамилии одну за другой: «67 на вызов, 13 на вызов, 9 на вызов». Тела поднимаются синхронно, их взгляды полны ненависти.

– Они там по будильнику болеют, что ли? – риторически вопрошает фельдшер Хольцман в безразмерной «скоропомощной» куртке.

– Ущербные часов не наблюдают... Мы сейчас к менту катались. Температуры нет, горлышко болит, от госпитализации отказ.

– Пристрелить из табельного оружия! – назначает лечение Хольцман и отправляется на пост.

С 2 до 5 ночи спят инсультники, сердечники, гипертоники и алкоголики. Просыпаются младенцы. Они орут на руках ополоумевших от недосыпа неопытных родителей, и родители готовы поверить в любую болезнь своего ребенка, лишь бы приехали всезнающие и всемогущие врачи и сделали что-то. Мы делаем жаропонижающий укол, и ребенок заходится

в плаче вдвое сильнее, зато теперь обоснованно. Родители облегченно вздыхают.

– У тебя не получается, потому что ты не делаешь себе удобно. Переверни пациента, попроси полотенце, пересядь, включи свет. Вытащи язык из жопы и не стесняйся. Ты единственная, кто сможет им помочь, а значит, ты должна уметь. Тебе должно быть удобно. Не торопись, только когда ты уверена, начинай что-то делать, но не затягивай.

Я скольжу пальцем по контуру вены, выбирая удобную позицию для иглы. Не торопись. Не затягивай. Ты не лучше и не хуже, у тебя получится все, что получилось у других.

– На заправку?

– Давай, Толян.

– Мороженое будете?

– И так холодно, какое еще мороженое?

– А я печку включу!

От печки стекла мгновенно запотевают. Парковка становится призрачной. Подъезжает цистерна, идет слив. Айна дремлет, свернувшись в усталый клубок. Толян возвращается с мороженым.

Шоколадное. Четыре утра. Минус восемь. Кажется, это называют счастьем.

Я вас не слышу

Скандал – первый шаг на пути к талантливой истерике.

Диалоги скорой помощи

Смену я сдала вовремя, но вовремя уйти со станции не успела. «Подняться к старшему фельдшеру!» – свежим голосом бросила по селектору сменная диспетчерша и назвала несколько фамилий дежурантов старой смены. Тела дежурантов остались неподвижны на своих диванах. Я знаю, что они встанут минуты через две, им нужны силы, чтобы собрать непослушные гудящие мышцы. Или не встанут, и тогда диспетчер через четыре минуты позовет их опять.

Я поднялась на третий этаж. Третий этаж подстанции – административный. Здесь сидят заведующий, старший врач, старший фельдшер и статист. Отсюда статист с утра принимается обзванивать поликлиники, чтобы направить участковых терапевтов по адресам вызовов прошлой смены на контрольный визит. Есть ли у статиста другие обязанности, мне неизвестно. Старший врач подстанции приходит в рабочие дни с утра пораньше, проводит с дежурантами планерку и проверяет карты вызовов. Если карта написана с ошибками, возвращает ее фельдшеру с замечанием, чтобы жалобы больного совпадали с описанием в руководстве, а лечение соот-

ветствовало стандарту, и без самостоятельности.

Работа в кабинете старшего фельдшера бушевала созидующим смерчем. Все носились, орали, путались. Одна Алена была к хаосу равнодушна, собрана и спокойна.

– Десять бригад не дам, – говорила она в телефон, – болеют. Восемь будет. И педиатры. Вместе с педиатрами. Сима, позови мне их еще раз, надо раздать расчетки и определиться с отпуском, – это уже по другому номеру. – Неля, морфина много списали вчера, скажи им, чтоб не хулиганили, на старых запасах до четверга бы дотянуть, – фельдшеру аптеки, та выдает новой смене наркотики за соседним столом. – Маша. К тебе просьба. Пойдешь на центр диспетчером.

Я вздрогнула. «Маша» – это уже явно мне.

– Зачем? Это куда? И я не умею. И что с деньгами?

– На центр, в оперативный отдел. Поедешь сейчас к старшему диспетчеру, составите график, она тебе все покажет. Надо принимать вызова, там по сетке, компьютер, не сложно, должна понять. Там народу нет. Я уже студентов отправила и диспетчеров с подстанции, не скучно будет. По деньгам так же, я тебе линию в таблицу напишу, за надбавки не переживай. Пиши телефон отдела.

Так я на время стала диспетчером.

– Ало! Ало!

– Скорая помощь, 44-й, слушаю.

Среднестатистический житель, позвонивший в экстренную службу, взволнован, напуган смертельной опасностью и

уверен, что время не на его стороне. Он никогда не помнит, какой телефон правильный: 030 или 103, а потому набирает 112. В 112 отвечает диспетчер, специалист широкого профиля по аварийным ситуациям, в медицине понимающий весьма поверхностно. Я не слышу, какие вопросы она задает заявителю, слышу в своем наушнике голос женский, усталый, с профессиональной хрипотцой.

– Девочки, 112. Карточку скинула. Говорите со скорой.

– 112, не получила... Ало, я вас не слышу! – Адрес и жалобы абонента записаны в 112 и перенаправлены на мой компьютер, однако наши системы несовместимы, и карточка приходит ко мне с задержкой или вообще на соседний пульт.

– Говорите со скорой!

– 112, что со связью? – Перевести абонента на мой телефон тоже не гладкая операция, звонки срываются, приходится перезванивать, а номер заявителя занят, он дозвонился на соседний пульт, вот только карточка осталась на моем.

– Там мужчине плохо с сердцем, Горького, 25.

– Карточку не получила, ало.

– Ало, скорая? – абонент наконец объявился.

– 112?

– Освобождаю линию.

– Барышня.

В компьютерных мозгах происходит нечто необъяснимое, абонента все же перекинули на другой пульт, я выглядываю из своей кабинки и прислушиваюсь к разговору диспетчера

на соседнем пульте справа. Моя коллега на горячей линии отсидела свои лучшие годы и вышла на тот уровень слияния с аппаратом, когда от нечего делать свободный мозг начинает превращать работу в произведение искусства. Барышня на пенсии, красящая седину в огненно-рыжий, а брови – в угольно-черный цвет, набравшая лишний вес на сидячей работе. Начисто лишенная музыкального слуха с великолепно поставленным голосом, такое сочетание встречается только в колл-центрах. Она обожает звучание своего голоса, играет с тональностями, пока язык отрабатывает заученный и пустивший корни в подсознание текст. Она знает, какое значение имеет ее решение здесь и сейчас, и не собирается посвящать абонента в последствия своего решения, однако отчасти не сдерживается:

– Я не барышня, я фельдшер по приему вызовов. Говорите.

– Плохо мне.

– В чем плохо?

– Умираю...

– Как именно умираете?

– Вы издеваетесь?

Абонент на грани раздражения, его уже погоняли с пульта на пульт, и не объяснишь, что одни и те же жалобы он повторяет разным людям, сидящим по разным углам комнаты или вовсе не в этом здании.

– Нет. Горького, 25, телефон 9735? Квартуру, подъезд,

этаж.

– У меня сердце слабое!

– Адрес, адрес!

Одна ошибка в номере дома, и бригада уедет на другой конец города, ищи ее потом.

– Третий подъезд, пятый этаж. Сердце у меня.

– Вам выслать бригаду?

– Моей жене.

– Фамилия, имя, отчество. Сколько лет жене? – Данные тоже надо, утром позвонят родственники, чтобы уточнить, в какую больницу бригада увезла женщину, а диспетчер допустил ошибку в фамилии, и по базе уже не пробыешь. Абонент напряженно вспоминает, данные кружатся в его памяти панической каруселью.

– 50. 56. Не помню. Фамилия, как у тебя фамилия?

– Если это ваша жена, у вас общая фамилия!

– Простите, я волнуюсь.

– Успокойтесь, говорите со мной.

– Я не.

– Говорите со скорой! Сколько лет? Это важно. Она в сознании? Может говорить? Дайте ей трубку.

Очень ответственно – определиться с поводом. Поводу компьютер присвоит номер в системе, а номеру – срочность вызова. На 1–2 срочность норматив доезда 20 минут, на 3–5 – два часа, а в наше беспокойное время – до суток и дольше.

Абоненту об этом говорить нельзя, а надо задавать пра-

вильные вопросы.

– Тяжело говорить! Тяжело дышать!

– Кому?

– Мне!

– Жена. Ваша жена. Отвечайте на вопросы. В сознании?

– Да. Но... кажется...

– Не «кажется», только на вопросы. Что болит?

– Ничего не болит, только общее, знаете, как.

– Грудь, живот, спина?

Вопросы тоже выдает компьютер по сетке, но диспетчер не любит ею пользоваться, многое в сетке не предусмотрено, и отвечать в итоге не компьютеру, а человеку.

– Ребра, между ребрами, там, где сердце!

– Между ребрами сердца нет. Дышит самостоятельно? Задышается?

– Задышается, да.

– Одышка или чувство сдавленности в груди?

– Это да. ну, в общем. паника, понимаете?

– У вас?

– Да. А у жены. давление. Да, давление.

– Цифры.

– 180 на 90. Пульс, барышня, пульс высокий!

На десятом вопросе абонент взвинчен и раздосадован, сколько можно спрашивать, просто отправьте врачей. Абоненту нельзя знать, что свободных бригад нет, а сорвут бригаду с другого вызова или нет, решает сейчас барышня, ре-

шает задачу, непосильную для кардиолога и обязательную для фельдшера: по телефону понять, есть у пациентки инфаркт или нет.

– Я не барышня. Слабость, головокружение, тошнота, давящая боль за грудиной?

– Да, точно, да! И руки немеют!

– С обеих сторон одинаково?

– Да. Это давление?

– Не знаю, я вас не вижу. Руки-ноги с обеих сторон одинаково чувствует?

– Не знаю! Сколько можно спрашивать?! Врачи выехали?

– Отвечайте на вопросы. Температура есть? С инфекцией контакт?

– При чем тут это?!

– Отвечайте.

– Нет. Ничего нет! Пока спрашивают, помереть можно!

– Не помрете. Жене таблетку от давления и 40 капель корвалола, а вам – 60 капель, ждите бригаду.

– Сколько ждать?

– Вызов принят, ожидайте.

Я заглядываю соседке через плечо. «Повышенное давление», четвертая срочность. Ничего, выходит, ее не обеспокоило в поступившей информации, вопросы задала по сетке, значит, когда разговор прослушают, замечаний не возникнет, но, если вдруг бригада инфаркт выставит, а диспетчер просмотрела, будет замечание.

– Чего смотришь, спросить чего?

– Да вот карточка со 112 пришла, кажется, ваша.

– Да все уже. Удаляй.

Оперативный отдел расположен на центральной станции. Это бессонный мозг службы 03. Здесь принимают вызова, отсюда их направляют на подстанции и бригадам, разбросанным по городу. Отсюда старшие смены отдают распоряжения. Информация поступает со всей области по многочисленным каналам, распределяется на пульта диспетчеров и врачей, до отказа заполняет каждую рабочую голову, и головы звенят вместе с телефонными аппаратами, компьютеры греются, все форточки открыты, а диспетчера хронически охрипли и все доливают чай и кофе в свои бездонные кружки.

– Скорая, 44-й, слушаю.

– Але-е-е-е! Девушка! У меня вопрос.

– Вам вопрос или бригаду?

– Да бригаду, наверно. Нет, сначала вопрос. Мужчина тут на остановке лежит. Без штанов! Это к вам?

– Мы штаны искать не будем.

– Да он пьяный!

– Он дышит?

– Да, он спит!

– Ну и пусть спит, вам какое дело?

– Ну как же? Общественная территория!

– Тогда в полицию.

– Ну девушка! Его же уже вчера увозили ваши в больницу!

– Значит, ушел из больницы или выписали.

– Нет, ну вы мне скажите, что делать, я же не могу ничего не делать!

– Разбудите его, пусть домой идет.

– Да, а вдруг он вшивый или агрессивный какой?

– Значит, скорую? Пока вы от него добровольное согласие не услышите, я выслать бригаду не смогу. Сами подумайте, как они его насильно осматривать будут, если он в помощи не нуждается?

– Остановка «Центральный рынок», приезжайте и забирайте!

– Люди! «Центральный рынок» алконавта принимал еще кто? Когда что-то происходит на улице, находится сразу несколько активистов, решивших оповестить 03. Они звонят одновременно, попадают на разные пульта, и тогда в системе возникают дубли – несколько карточек на один и тот же адрес. Система дубли успешно вычисляет и сигнализирует, но время диспетчера уже потрачено, а карту приходится спускать в архив.

Я пробиваю адрес по базе и обнаруживаю, что бригада у спящего алкоголика была уже час назад, осмотрела и оставила на месте, а граждане продолжают звонить. Хотя бы в кусты его подальше от дороги оттащили или записку на лбу оставили «Осмотрен 03».

Чай у меня в кружке закончился, и я иду к кулеру за ки-

пятком. Свет в комнате приема никогда не гаснет. Глубокой ночью кто-нибудь порой отключит несколько ламп, и тут же в дальних уголках оперативного отдела диспетчера засыпают, беспорядок, коллеги их ругательно будят, а старший врач снова включает свет. Комната разбита на звукопоглощающие кабинки, в каждой кабинке пульт. Стены кабинок из ДСП, звук они не поглощают, а рассеивают, и над приемом висит нескончаемый гул, прерываемый криками диспетчера, которому достался глухой абонент.

– Скорая, 44-й, слушаю. Не слышу. Не слышу. Говорите! Перезвоните! 8 номеров прозваниваются. Ну и кого взять? Кто-то, кроме этого пульта, еще работает? Ксюша, проснись! Люди умирают!

– Они всегда умирают, а я спать хочу... Скорая, 54-й, слушаю...

– Слушаю вас.

– Ало, 112, девочки, из машины звонок прошел, не отвечают, сбрасываю адрес по ГЛОНАСС – у нас там ДТП вроде как.

– Адрес пробила, бригада уже работает.

– Это на Победы? Там автобус разбился, 6 бригад выехали, заноси в архив.

– Старший врач слушает. Вам реанимацию еще? Ждите. Седьмую отправили.

У каждого диспетчера помимо бездонной кружки на столе блокнотик, в нем диспетчер ведет учет. Диспетчера со-

ревнуются, кто за смену примет больше вызовов, победителю по итогам месяца премия 15 %. Я снова отвлекаюсь от своего аппарата, гарнитура натирает висок, а гул в комнате, кажется, проник и поселился в моем мозгу. Все диспетчера приема слегка глуховаты на одно ухо из-за этой гарнитуры. Пока не видит старший, я заглядываю в кабину напротив. У диспетчера черные волосы и фиолетовые тени до ушей, а на плечах – пуховый платок. Она принимает.

– Ало! Моей маме с сердцем плохо!

– Скорая, 45-й, слушаю вас.

– Слышите?

– Слушаю.

– Понимаете, она в прошлом году лежала в кардиологии.

– Адрес. Фамилия, имя, отчество. Возраст. Кто вызывает?

Подождите. Повторите.

– Быстрее, пожалуйста, что так медленно?

– Я записываю. Уточните адрес. Уточните номер. Что с мамой?

– У нее давление! Очень высокое давление!

– Как проявляется?

– Не знаю!

– Спросите. Дайте трубку. Она в сознании?

– Да! Пришлите бригаду!

– Отвечайте на вопросы. Она сердечник? Гипертоник?

– Какая разница?! Примите вызов, пусть врачи разбираются!

– Какое давление? Сознание теряла?

– Вы диспетчер, вам платят, чтобы вы вызова принимали, а не вопросы задавали!

– Я фельдшер по приему вызовов. Она задыхается? Сердце болит? Паралича нет?

– Человек умирает!

– Мне нужно определить срочность и профиль вызова.

– Самый срочный! И как можно скорее!

– Отвечайте на вопросы.

– Вы отказываетесь принять вызов? Ваша фамилия!

– Мой табельный номер 45. Отвечайте на вопросы. «Бросил трубку. До повторного звонка».

Карту с пометкой ДПЗ нельзя отправить на передачу, она не обработана. Спустишь в архив – абонент больше не дозвонится и бригада не выедет, непорядок. Диспетчер пытается перенабрать абонента, абонент недоступен. Она может закрыть карту поводом «Человеку плохо. Причина неизвестна», это будет третья срочность. Может написать «Плохо с сердцем, кардиобольной», это вторая. Воля диспетчера, и диспетчеру отвечать. И она выставляет третью.

Я вывожу оперативную обстановку на экран. 38 на ожидании. Это немного, за час раскатают, вчера было 120.

– Маша!

– 44-й, скорая... Чего, Ксю?

– Разбуди Игоря. Он с самого обеда спит!

– Пусть спит. Он болеет. Я тоже через часик пойду. Ско-

рая, 44-й.

– Ало, тут на остановке.

– Лежит пьяный мужчина без штанов!

– А как вы узнали?

– По карте посмотрела. Не трогайте его, он спит.

– Да нет, я спросить только. Он же не должен здесь лежать?

– Вообще-то должен.

– А. я могу что-то сделать?

– Конечно! Оттащите подальше в тихое место, чтобы его никто не беспокоил.

В городе есть несколько точек, где проживают бомжи. Это стратегически выгодные точки, рядом или теплотрасса, или супермаркет сбрасывает просрочку. Но обывателю такие тонкости неизвестны, и он вызывает на точку день за днем. Линейные бригады озадачились, отыскиали картонки, маркер, написали на них «03 не звонить, он здесь живет» и расставили в проблемных местах. Вызывать перестали.

– Скорая, 44-й.

– Девушка! У нас тут началось.

– Роды?

– Эм. нет. Хотя вообще-то да. Год назад. У ребенка температура 39,5!

– В смысле, годик ребенку?

– Да!

– Так дайте ему жаропонижающее.

– У нас нет! Ничего нет! Мы на даче в СНТ «Лесной», тут ни медпункта, ни аптеки!

– Что же вы с годовалым ребенком в такие. дачный массив забрались? Как вас искать теперь?

– Пишите СНТ «Лесной», седьмое шоссе.

– Белоярский район?

– Нет, соседний. Хотя да. Там на границе.

– Так не пойдет. У меня в справочнике такого нет. И на карте нет.

– Мы можем машину на шоссе встретить.

– Да, так будет лучше. Диктуйте ориентиры.

– Записывайте, строение 7А за кольцом, сразу после поста ДПС.

– Я вас поняла. Когда назначат бригаду, перезвоню, сообщу бортовой номер. Але, диспетчеру направления, третий пульт. Вам адрес знаком?

– Нет, не знаком. Шоссе длинное, это какой сектор?

– Не могу пробить.

– А я не могу подстанцию назначить!

– Перезвоню... Алло, мамочка, говорит скорая, вы выехали встречать?... Нет, не назначили пока. Уточните участок трассы, между какими пунктами? Але, направлению, это вообще Н-ск. За ПГТ Гранит.

– Передаю на центр Н-ска. Переназначьте карту и уточните ориентиры.

– Принято. Алло, мамочка, это скорая, на какой машине

встречаете?

– Мы на велосипеде.

– Мамочка, не смешно, бригада потеряется.

– Серьезно, у нас нет машины. Строение 7А, кафе «Бобры».

– Принято, встречайте, бортовой номер 360.

– Третьему пульту, диспетчер направления, вы издеваетесь? Что за «У КАФЕ БОБРЫ ВСТРЕЧАЮТ НА ВЕЛОСИПЕДЕ»? Ясно. Я. Да. Я вас понял. Передайте на прием, чтобы аккуратнее принимали.

Я снова вывожу оперативную обстановку. 5 вызовов второй срочности висят, обстановка напряженная, и направление просит всякую несрочность посылать в поликлинику.

– Скорая слушает.

– Девочки, это дежурный хирург медсанчасти, бригада, табельный номер... доставила к нам пациентку и, кажется, случайно увезла ее документы, отыщите пожалуйста.

Я от руки переписываю данные вызова и иду в комнату направления, чтобы диспетчер района сделал бригаде запрос. В направлении все не так, как на приеме. Свет тут всегда приглушен, голоса граждан не слышны, по стенам развешены карты. В комнате приема сидят специалисты контакта, здесь – аналитики. Когда обстановка становится напряженной, эти бородатые нескладные парни в клетчатых рубашках собираются вокруг стола старшего диспетчера и вместе смотрят на карту области на ее столе, а затем расходятся по

своим пультам и продолжают раскидывать шахматные фигуры линейных машин по районам. Диспетчера за пару фраз выясняют, с какого района бригада, дозваниваются и просят бригаду вернуть документы пациентке. Я возвращаюсь.

– Скорая, 44-й, слушаю.

– Алло, это медсанчасть, приемное отделение. Мы вызывали экстренную перевозку, отмените заказ. Больной не дождался.

– Ушел?

– Умер.

– Перенаправляю старшему врачу.

Старший врач скрипит креслом за моей спиной, его работа – решать нестандартные вопросы и разруливать сложные ситуации. Старшим звонят фельдшера с линии и начальство с администрации, полиция и пожарники, к ним подходят диспетчера приема, когда не могут определиться с поводом, они принимают жалобы, общаются с психическими больными и часто вызывающими по телефону, отслеживают ситуации с пожарами и ДТП. Старшие врачи – это суперкомпьютеры в системе 03, намертво приваренные к рабочему месту и нескольким телефонным трубкам, по которым они могут говорить одновременно, быстро и по делу. Откуда их взяли и как обучили, я не знаю, должно быть, они всю жизнь работали на линии, а когда стало тяжело носить чемоданы и пациентов, сели за телефон.

– Скорая, 44-й, слушаю вас. Где болит? Все болеть не мо-

жет. Наркоман?

– Онкология.

– Какая стадия? У нас нет свободных бригад, обезбольте сами, у вас есть трамадол?

– В таблетках только, а он глотать не может.

– К сожалению, свободных бригад нет, попробуйте измельчить таблетки и сделать клизмой.

– Третьему пульта, 44-й, это старший врач. В медсанчасти тела нет, где умер больной?

– Если звонили из медсанчасти, наверно, там и умер.

– А куда был заказ?

– Во вторую городскую.

– А не наоборот?

– Может, и наоборот. Вот звоните и выясняйте!

– Скорая, 44-й... Да сколько можно звонить!

– А ты номер смени!

– Смешно. Игорь, проснись, пора мир спасать!

– Который час?

Утро, час скучающих шизофреников и одиноких стариков. Их в классификации типичных пациентов величают «вызывашками». Звонят они каждые сутки, а то и раз в час, сообщают разнообразные жалобы. Прибывшая бригада оставляет их на месте, закрывает карточку «органическим расстройством мозга», списывает бесполезный сосудистый препарат. Им ничем нельзя помочь, кроме как приезжать раз в сутки, чтобы проведать. Особенно агрессивных и назойли-

вых диспетчер, подустав за смену, занесет в память телефона, присвоит контакту имя «глухой», «артист» или «припадочный» и час-другой не принимает от него звонки. Потом совесть замучает, возьмет трубку и тут же пожалеет об этом.

– Ало! Ало!

– Не орите в трубку! Когда вы уже слуховой аппарат купите, Лев Иванович! Говорите! Говорите!!!

– Нужна скорая на Татарскую, 150!

– Вы уже вчера вызывали, Лев Иванович! Сегодня что случилось?

– Татарская, 150!

– Случилось что? Я вас не слышу, перезвоните!..

Мне надоело, и я отдаю карту в направление. «Человеку плохо...»

– 44-й, скорая слушает.

– Ало, меня зовут Владимир, я нахожусь в районе Томиловки...

– Маш, Томиловку я уже принял, там роды, 36 недель.

– Владимир, вы рожаете?

– Ало! Какие-то помехи на линии. Меня зовут Владимир, и я не рожаяю! Я отравился грибами!

– Маш, привет, мы только из второй городской, труп у них.

– Ало, бригада? Ну слава богу, хоть кто-то его нашел. Подробности есть?

– Да, мутная история. Лежал в областной с пневмонией,

с улучшением переведен в медсанчасть, оттуда с инсультом увезли во вторую городскую, неврологию исключили, вернули в медсанчасть, потом с температурой опять во вторую, там температура упала, хотели вернуть – и не успели. Показался перед смертью.

– А вот и Лев Иванович. Твоя очередь отвечать.

– А мне артист дозванивается. Ало. Ну сегодня-то что у вас?

– Плохо мне!

– Голова? Сердце? Почки?

– Все!

– У вас гипертония?

– Да!

– Онкология?

– Да!

– Эпилепсия?

– Да!

– Синдром Клайнфельтера?

– Да!

– Ну, Шарипов, может, сегодня обойдемся без этого?

– Нет!

– Вам поговорить не с кем? Поговорите со мной, зачем врачей гонять?!

– Ало, доктор, это сестра его, не нужна ему скорая, вы же знаете! Ой... похоже, нужна...

– Что там?

- Упал на пол, в судорогах бьется.
- Ну это же артист, как будто первый раз!
- А может, и последний. Девушка, приезжайте, а?
- Вызов принят, ждите.
- Третьему пульту, диспетчер направления. Оформляйте карты нормально! Что значит «съел несвежую дохлую мышь»?
- Это значит «ребенок до года».
- А «инородное тело в женских половых путях»? Подождите, не объясняйте, я не хочу этого знать. И что же оно в них все лезет и лезет.
- Скорая, 44-й. В сознании?
- Нет!
- Дышит?
- С трудом. Уже! Уже перестал дышать!
- Неизлечимо больной?
- Не знаю, я не знаю!
- Онкология есть?
- Он не дышит!
- Вызов принят.
- Третьему пульту, почему «без сознания, причина неизвестна», если онкология?
- Они не уверены.
- Ну как же, вот диагноз в базе!
- Я не посмотрела.
- Бригада после суток, сорвали с пересменки. Привет вам

от них.

Без сознания по неизвестной причине – вторая срочность, онкология – третья, раковых больных в четвертой стадии не реанимируют, а значит, делать там бригаде особо нечего. Но я не уверена, я их не вижу, и многое мне неизвестно. Недостаток информации вызывает страх, пока не поймешь, что, обладая властью распределять время, ты все равно ничего не решаешь.

– Ало, скорая помощь, 38-й. Не слышу вас, перезвоните.

– Скорая, 44-й. Я вас не слышу.

Несрочный вызов

*Жизнь. Забавно. Как мы находим слова, чтобы
обозначить то, что не можем определить?
Диалоги скорой помощи*

Это люди. Их узловатые извилистые вены напоминают русла и дельты рек. Сеть капилляров, отбрасывающая тень на усталые веки – трещины на высохшей и такой же усталой земной коре. Складки на их вспотевших и бледных ладонях с дрожащими пальцами – прожилки кленового листа, обращенного к осеннему свету. Шрамы от травм и операций – вызревшие провалы в зернистости августовского млечного пути. Родимые пятна на горячей желтеющей коже объединяются в созвездия. Уникальный орнамент отпечатка пальца – это и русла давно высохших марсианских озер, и рисунок каньона, вид из космоса, и микроскопические трещины на испарившейся капле морской воды. Лопнувший сосуд на склере подобен разряду молнии, морщины в уголке глаза – географически выверенным складкам горных массивов. Они – целые миры и наши пациенты.

А мы – фельдшера, и я понятия не имею, кто мы такие.

Я стою у окна комнаты в общежитии и изучаю свои ладони в свете заглядывающих с улицы фонарей. Света на этаже

опять нет. Я смотрю на свои руки: безымянный палец короче указательного. Согласно теории пальцевого индекса, у меня высокая беглость речи, плохой прогноз в спортивных успехах, повышенный риск социопатии и шизофрении и хорошая цветовая чувствительность. Я рассматриваю свои ногти. Ногти аккуратные, чистые, срезаны под корень, ни намека на маникюр. Ногти человека, работа которого подразумевает совмещение сложного интеллектуального и физического труда. В свете фонарей с улицы плохо видно линию жизни и порез от неосторожно вскрытой стеклянной ампулы. Света в комнате нет, потому что сосед с наступлением холодов решил спастись обогревателем, старенькая проводка не выдержала, и весь этаж остался без света. Ключи от щитка УЗО были у того же соседа, а он благоразумно прятался от раздражительных соседей, и достучаться до него не было никакой возможности. Мобильник у меня разрядился, потому что розетки тоже не работали. Хорошо, что сегодня в ночь смена и можно подзарядить его на станции.

Подстанция скорой уже давно стала для большинства фельдшеров вторым, если не первым домом. Работаем много, берем по полторы и две ставки, потому что зарплаты хоть и не сравнимы со стационаром, но все же нищенские. Сутки через сутки, сутки через двое, две ночи через две, постепенно на станцию переезжает сменная одежда, посуда и прочие элементы холостяцкого быта. Второй этаж – полностью жилая зона. Фельдшерская заставлена узкими диванчи-

ками с казенными зелеными одеялами. На диванчиках спать неудобно, но если устал, то можно. Раньше их было восемь, сейчас четыре: на станцию нанес визит эпидемиолог и приказал, чтобы между лежанками была дистанция полтора метра, заведующий подстанцией, недолго думая, диваны изволил проредить. В конечном итоге дистанция между мебелью была соблюдена неукоснительно, но фельдшерам пришлось спать по двое, чем они поначалу были недовольны, а затем привыкли. Помимо диванчиков, фельдшерская плотно заставлена шкафами для вышеописанных личных вещей. Все шкафы в фельдшерскую не поместились, часть занимает пространство гардероба. В гардеробе народ из гражданского облачается в васильковую форму, зеленые куртки с неизменными полустертыми буквами «С РАЯ П МОЩ», меняет приличную обувь на разношенные кеды, кроксы или галоши и выходит из раздевалки уже не мирным жителем, а прокурренным хамоватым покорителем городских дорог и приземленным спасателем людей.

Из гардеробной я отправляюсь на кухню, чтобы разложить суточную провизию по полкам холодильника, в коридоре меня перехватывает сестра-хозяйка и заводит в одно из складских помещений. Эта тихая немногословная женщина обитает в нескольких комнатах второго этажа, ведет учет всему имуществу подстанции, включая одежду и обувь, и появляется на свет, когда приходит время проводить очередной

ремонт на станции, расписываться по технике безопасности или же выдавать новую форму.

– Вот тебе пижамка, новенькая, женская, зеленая, у тебя же 44-й? Значит, 50-й самый маленький у меня... – Она поправляет очки, делает запись в журнал, вытирает руки об изношенный, но чистый белый халат.

– Вообще-то, у меня 40-й, – напоминаю, почему-то нервничая.

– Не может быть, когда на работу устраивалась, вот, записано – 44-й, за год похудела, что ли, на нашей работе? Ну все равно, у меня твоего нет, есть 50-й.

Я разворачиваю форму, оцениваю ширину штанов, складываю и возвращаю сестре-хозяйке.

– Я из них выпаду.

– Обязана выдать, бери и распишись. Обувь будешь брать?

– Тяжеленные резиновые сандалики 42-го размера? И для чего они мне, от женихов отбиваться? Ладно, ладно, расписываюсь. И это, мне бы куртку обновить, а?

– Куртки нет, в спецодежде купишь. – Сестра-хозяйка решительно захлопывает журнал и растворяется в глубине склада.

По дороге на кухню я заглядываю в санитарскую, чтобы поздороваться с сегодняшней сменой. Санитарочек всегда две, они похожи друг на друга мощными фигурами, изъеденными дезраствором грубо сложенными руками и короткими стрижками. Обитают санитарки в уютной подсобке с кро-

вателями и телевизором, выбираются из нее в моечную, разгребсти мусор, принесенный с линии, и на парковку, помыть измазанные в крови и грязи салоны машин. С санитарками поддерживать отношения просто, главное – не раскидывать грязные иглы куда попало, очень они не любят на них натываться.

Добравшись до кухни, я подхожу к окну. Окно кухни выходит на сквер имени советской молодежи. По скверу идет Ренат. На плечах у Рената 20-литровый рюкзак, в правой руке он тащит спортивную сумку. Ренат не то чтобы опаздывает, но торопится. Он появился со стороны глухого забора, должно быть, срезал часть дороги дворами, один раз пробежался по газону, еще раз перепрыгнул через забор, едва не порвав сумку, на подходе к станции воспользовался проделанным в ограде техническим отверстием для сокращения пути. Содержимое сумки Рената известно всем, кто с ним однажды работал. В сумке у него жестяная кружка, столовая ложка, полуторалитровая банка, до крышки полная еще теплыми щами, и пустой термос. Термос следует залить чаем на станции, но времени остается совсем немного, а кипяток в чайнике уже остыл. Чтобы подсобить Ренату, я включила чайник. Попыталась включить.

Электрические чайники на станции проживали короткую и насыщенную жизнь. Они работали ровно неделю. Неделю их круглосуточно кипятили, пустыми и сверх меры полными, пытались прямо в них заварить кофе и сварить яй-

ца вкрутую, а чайники все смотрели на очереди трясущихся рук с подрагивающими кружками с кофейно-заварочной лептописью по внутреннему краю, на воспаленные от недосыпа глаза, слушали леденящие чайную душу истории, неизменно сопровождаемые искристым мерзнувшим смехом, смотрели, слушали и больше не кипятили. На первом этаже грохнула дверь, по лестнице зачастила пара ботинок, на кухне появился Ренат. Сегодня у меня с ним смена.

Ренату под полтинник, выглядит он перед сменой на 40, под утро – на все 60. Казенная форма, синяя, на мальчика, 50-й размер, Ренату как раз, в ней он и ходит, частенько забывая постирать. Раз в месяц санитарка форму с него сдирает, стирает, пока у фельдшера выходной, и возвращает на следующей смене. Родился Ренат в дремучие советские годы в неполной татарской семье, пережил оттепель, заморозки, перестройку и увеличение пенсионного возраста. С 16 лет трудился санитаром в хирургическом отделении, там же, в перевязочной, лишился девственности, потом работал на аптечном складе и познал 64 способа перегонки спирта из разных химических жидкостей; по чьему-то недосмотру получил диплом фельдшера, исколесил всю Самару на кривоколесной «буханке» с красными крестами, подрабатывал, капая на дому частных клиентов. Ушел со скорой, выкупил у государства старенький «фиат» с такой же древней «скоропомощной» аппаратурой и устроил собственный бизнес, выезжая на дом к запойным и снимая похмельный синдром.

Женился на фармацевте, проник в темные тайны аптечного бизнеса, развелся с фармацевтом, сменил еще несколько женщин, на старости лет перебрался на линию, где обучал студентов тонкостям фельдшерского искусства и с переменным успехом спасал жизни.

В бригаду к Ренату я попала по тому же принципу, по которому в целом происходили все события в его жизни – из-за разгильдяйства и административного недосмотра. Текучка кадров на линии – дело обычное. Старший фельдшер с диспетчерами проявляли чудеса логики, составляя бригадник, и порой линия работала неполными бригадами, так называемыми неотложками. Часть фельдшеров в одиночку работать любила, а Ренат предпочитал компанию, желательно женскую. Вчера он как раз наотрез отказался выходить неотложкой, и меня вывели на линию к нему в пару.

Ренат заглянул на кухню, приподнял седые извилистые брови и поздоровался:

– Миронова. Я с тобой еще не работал? Или... Помню.

С Ренатом одну смену я уже работала, но в тот раз на крайнем вызове клиенты вручили нам бутылку хорошего коньяка. Коньяк Ренат, как мужчина и старший по званию, приватизировал и, видимо, после смены его в одиночку распилил, а затем скатился в недельный запой, потому что на следующей смене он благополучно не появился, а сейчас вот и меня вспоминает со скрипом.

– Седьмая машина, Юнусов, Миронова, на вызов! Сроч-

ный!

У седьмой машины совсем не греет печка, ручка на носилках сломана и водитель Андрюха, специфичный товарищ среднего возраста, со странностями. У него хронически удивленные серые глаза, вытянутый подбородок, а ноги длинные и на водительском месте не помещаются, поэтому водит Андрюха быстро, а бригаду с вызова ожидает, разминаясь на улице. Андрей состоит в коммунистической партии, придерживается конспирологических взглядов по отношению к текущему правительству и разговаривает плакатными лозунгами.

Я забираюсь на высокое сиденье кабины, фельдшер тактично поддерживает меня под локоть.

– Здравия желаю, товарищ дядь-Ренат! – козыряет Андрюха и кривит уголок рта, обнажая сколотый зуб. – Готов к труду и обороне?

– Докурю и буду, – голос у Рената певучий, низкий, прокуренный.

– Затягивайся в машине, я форточку открою! – широким жестом приглашает Андрюха и подтягивает колени к животу. – У нас вагон для курящих!

– Андрей, ты что, не видишь, с нами женщина! – Ренат возмущенно тычет в мою сторону незажженной сигаретой.

– Вижу, – Андрюха выкатывает на меня глаза, – женщина – это хорошо. Женщина в колхозах – большая сила!

– Совсем тебе твои коммунисты мозги промыли, – трясет

сединой Ренат, – не место женщине на скорой!

– А чего ты с одними бабами катаешься? – прищуривается Андрюха.

Ренат не находит что сказать, докуривает и лезет в машину.

– Я себе паспорт вот сделал, правильный, смотри, красиво! – Андрюха близко подносит к моему лицу красную корочку с золотистым серпом и молотом, видно, что на домашнем принтере печатал. – Андрей Игоревич, гражданин СССР!

– А российский паспорт куда дел? – спрашиваю.

– Сжег, – отвечает решительно и гордо.

– Ну и дурак, – Ренат выкидывает окурок в окно, – штраф будешь платить. По вызову... – фельдшер диктует адрес из карточки. – Место знакомо?

Услышав адрес, шофер стал серьезен и погрузнел.

– Инкубатор все знают. Ну что, за работу, товарищи! – Андрюха снова подтягивает колени и заводит мотор.

Детский дом инвалидов, говоря попросту – Инкубатор, расположился недалеко от подстанции. Наши фельдшера в нем – частые гости. Казенная трехэтажка за двухметровым забором, одинокий охранник в будке. Мы приезжаем сюда, как правило, ночью. У детей-отказников, проживающих в Инкубаторе, врожденные пороки развития, они больны неизлечимо, хронически. Почти каждую ночь тут происходит какая-нибудь неприятность, то мочеприемник выпадет,

то помрет кто-нибудь. Когда выпадает трубка, персонал Инкубатора нервничает, а смерти встречает со вздохом и, кажется, облегчением.

Ночной детский дом от дневного отличается. Встречает медсестра, провожает по коридору. Коридор освещен белыми светодиодными лампами. Двери, ведущие в помещения по бокам коридора, открыты. Надписи «**Столовая**», «**Игровая**», «**Методический кабинет**». Прямоугольник света, проникающего из коридора за дверь игровой, падает на косолапую игрушечную мебель с облупившейся краской; пирамидки, кубики из наборов детского развития рядами выстроились на полках. Некрасиво, неправильно. Игрушки должны быть разбросаны. Коридор все никак не кончается, я разглядываю медсестру. Немолодая женщина с обрезанными волосами в коротком медицинском халате. Халат расстегнут, под ним меховая жилетка и воротник пижамы, глаза заspanные. Я пытаюсь понять, чем дышит и думает она на своей невыносимой работе, заглядываю в глаза отражению в пластике коридорных дверей. И ничего не вижу. Взгляд холодный, движения вышколенные, образцовый работник по уходу, и только. В конце коридора детская, горит свет. Пришли.

Ряды деревянных кроватей с решетчатыми перегородками, из-под каждого одеяла слепые с яркого света глаза. Одни смотрят уверенно и с любопытством, другие – разочарованно, у кого-то косят в стороны, кто-то улыбается глупо и бессмысленно. Руки – плети, ноги – палочки, под одеяльцами

почти ничего нет. В углу сбились в сонную кучу инвалидные коляски, тонкая нога высовывается из-под одеяла и пытается дотянуться до меня большим пальцем. Я отодвигаюсь.

– Кровотечение открылось где-то полчаса назад. Это вы быстро приехали, – сухо, по-деловому докладывает дежурная медсестра. – Рвота алой кровью, наверное, из пищевода. Она на зондовом питании. Да вот посмотрите!

В медпункте на кровати – восьмикилограммовое длинное тельце, ни одной мышцы, по обтянутым кожей костям можно подробно изучать анатомию.

– Сколько лет?

– Десять.

– И такой вес?

– Множественные врожденные патологии, задержка развития, эпилепсия... – Медсестра по ходу разговора собирает вещи, документы, лекарства и выписки. – Кровит третий раз уже. Лекарства я вот выписала, питание положила. Про зонд сказать не забудьте.

Нянечка, сдобная, кажется, добросердечная женщина, впрочем, тоже спрятавшая свой характер в футляр профессионального безразличия, заворачивает полупрозрачное тельце в одеяло и идет к машине, я бегу вперед – держать двери, следом медсестра несет вещи, замыкает строй Ренат с аптечкой.

Хирурги в приемном покое работают быстро и тоже без лишних эмоций, мы отдаем сопроводительный талон и вы-

ходим на улицу.

Ренат достает сигарету:

– Пойдем к машине, что ли, я буду нервно курить, а ты – грустно смотреть на звезды.

Я не хочу смотреть на звезды и дышать свежим воздухом не хочу, мне внезапно надоел этот воздух, которого везде много, и за жизнь им не надышишься.

– Анекдот рассказать? – серьезно спрашивает Ренат.

– Давай.

И Ренат рассказывает о том, как судьба занесла его поработать медбратом в психиатрической лечебнице.

Я историю слышу впервые, интересно, смешно, у Андрюхи от количества повторений уши вянут, он их растирает и решительно командует:

– Будем болтать – норму не наработаем. Звони, дядь-Ренат, и бери вызов, чтобы бригада по времени не отставала. Все мировые рекорды должны быть наши!

Я молча выдернула подушку из-под Андрюхиной спины и, забравшись в салон, устроила себе лежбище на носилках. Хотелось спать.

– Вот у меня помощница волшебница! Смотрите, как быстро вам систему поставила! – Первый номер благосклонно взирал на развороченные моими кривыми руками вены правого предплечья пациентки.

– Вы, доктор, просто волшебник! – восхитилась родственница, когда после бесполезного по факту «сосудистого» уко-

ла сработал эффект плацебо и больная смогла приподняться.

– Современная медицина творит чудеса! – тоном лектора поведал Ренат. – Как голова, бабуль?

– Болить поменьше, только шум в ушах никак не пройдет... и почему-то в правом ухе больше, чем в левом, шумит, – жалуется больная.

Шум в ушах в таком возрасте в сочетании с остальными жалобами – симптом атеросклероза сосудов головного мозга. Профилактика у этого заболевания есть, лечение как таковое отсутствует. Сегодня ночью шум мешал бабушке заснуть, лет через 5-10 она не сможет узнать свою дочь. Наверное. У Рената в голове промелькнула, кажется, схожая мысль. Он оторвался на минуту от заполнения бумаг и каким-то новым, неизвестным мне пока взглядом уставился сквозь нее.

– Это море шумит, бабушка.

– Какое еще море?

– Большое северное море. Посреди моря, на льдине, плывут два медведя, а над ними – полярное сияние.

* * *

– «Вызов уличный, срочный». Что ж, коллеги, поехали спасать мир. – Ренат продиктовал адрес. И мы оба, не сговариваясь, одновременно натянули перчатки. Андрюха кивнул и завел мотор. «Наши цели ясны, задачи определены» –

читалось на его одухотворенном лице. Я закрываю глаза, подробно представляя себе, что будет обнаружено на месте вызова.

Неваляшки. Фельдшера называют их «синеботами», «породожниками», а в холода – «подснежниками». Пьяные в лежку, грязные, оборванные, побитые, они идут или ползут по своим алкогольным нуждам, падают, разбивая лицо, и замирают. Прохожие обнаруживают их во время прогулки в скверах, на остановке общественного транспорта, на углу возле аптеки или супермаркета. Иногда наблюдают из окон. Вызывают 112, как правило, бабушки советской закалки, поступают звонки и от других добросердечных или добропорядочных граждан. Граждане звонят, переживая, что замерзнет, или скончается от травм, или упал не по пьяни, а от инсульта, или «вдруг че». Но чаще все-таки потому, что не место ему тут, пусть полежит в вытрезвителе. Гражданам неизвестно, что вытрезвители отменили со времен распада СССР, а в обезьянники берут только хулиганов, лежащие тела полиция тоже сваливает на 03.

Неваляшка обнаружился на пороге аптеки. Среднее телосложение, невозможно грязный камуфляжный костюм, на голове – шапка. Как давно лежал там, установить не удалось. Вызывающий смыслся, аптекарша рассказала, что постоянный клиент, приходит за фанфуриками. «Этот мир не заслуживает спасения» – Ренат перевернул пациента на спину и удостоверился, что тот жив и даже не умирает. Я поднесла

к носу спящего нашатырь. Лицо сморщило нос, заворчало и открыло глаза. Теперь его следовало загрузить в машину. Андрюха из-за руля вылезать отказался, да и не должен был по инструкции. Понимая, что толку от меня мало, я все же ухватила за ноги с налипшими на обувь комьями глины.

– Оставь, не марайся, – сказал Ренат, – иди карту писать.

Сам он ухватил алконавта за подмышки и, кряхтя, затащил его в салон. Подвиг этот ренатовой пояснице не понравился, опустив тело на пол машины, фельдшер согнулся в три погибели и рухнул на носилки.

– Ты там жив? – я включила дополнительное освещение и направила фонарь на Рената.

– Не дождетесь, – Ренат уже принял вертикальное положение и задумчиво уставился на неваляшку.

Находка окончательно пришла в себя и приподнялась на локти, затравленно озираясь.

– Фамилия-имя? – я приготовила ручку и карту вызова.

– Где я?

– Вам скорую вызвали. – Всего пять минут вызова, а я уже начинаю терять терпение, с уличными всегда так. – Вы в машине. Вам нужна помощь?

– Ага... Да! – И мужчина в красках описывает ограбление с изъятием документов и денег в количестве 700 рублей, а также последовавшее за ним избивание. Я продолжаю разглядывать тело. Он грязный, необыкновенно грязный. Весь в глине, и комья земли тонким слоем устилают пол салона,

и земля продолжает с него сыпаться при каждом движении. Наверно, он сам из нее состоит, земляной человек. – Били, суки, по животу, по голове вшестером прыгали!

– Дай живот посмотрю, – Ренат склоняется над телом. – Не ори! Живот мягкий, безболезненный. Печень не увеличена. Врешь ты все. Ну, признайся, жены боишься?

Тело тревожно моргает.

– Печень, поджелудочная. Голова. Чисто.

– Что делать будем? – Я быстро заполнила свою часть документации, поставив во всех строчках паспортных данных «неизвестно».

– К нейрохирургу поехали.

– За алкаша хирурги нам «спасибо» скажут.

– Пусть сначала догонят.

Дверь с грохотом открывается, в салон по-хозяйски забираются полицейские.

– В чем дело, доктор, помощь нужна?

– Да вот, говорит, избили, следов нет... В нейрохирургию надо, да сотрясения нет.

– Давай сделаем, доктор, у нас это быстро.

– Не надо. Мы сами.

Фельдшер выпроваживает полицию, от души хлопает дверью и резко оседает на пол.

– Ты чего? Сорвал все-таки?

– Давно. Позвонок рассыпался. Нельзя нагружать. Вызов сделаем и уколешь меня. чем-нибудь.

– Коллега! – Побитый жизнью нейрохирург приемного покоя задумчиво разглядывает доставленное нами тело. – Я был о вас лучшего мнения! ЭТО что?

– ЧМТ. – После укола Ренату немного лучше, но лицо чуть заметно отсвечивает зеленому.

– Нет, коллега, это не ЧМТ, это – элементарный запой!

– ОНО сообщает, что били по голове, – устало повторяет Ренат.

– ОНО может сообщать что угодно! Больной врет всегда!

– А здоровый?

– А здоровый врет самым фактом своего существования!

Потому что здоровых людей не бывает!

Я прекрасно понимаю фельдшера. Ренат тянет время. Через 10 минут с момента прибытия мы имеем полное право уехать и оставить персонал приемника наедине с этим ходячим недоразумением. Но хирурги – народ тертый. Сказав все, что счел нужным сказать, доктор возвращается к основной теме диспута.

– Коллега, здесь нет ЧМТ. Где следы травмы? Ушиб, ссадина, гематома?

– Сейчас будут! Маша, дай мне скальпель! – от раздражения лицо фельдшера меняет цвет с зеленого на фиолетовый.

– Отставить членовредительство! Вы понимаете, как меня

подставили, коллега? Я не могу назначить КТ без видимых следов ЧМТ. И без КТ тоже отпустить товарища алкоголика не могу!

– Ну извините, у меня образования вашего нету! Мне все тела положено доставлять в больницу, если они письменно не откажутся. А это даже в бумагу ручкой не попадет! И куда мне его? В психиатрию мы не возим, а в терапии меня развернут к хирургам, у них КТ нет. В следующий раз шарахнем его головой об дверь, чтобы точно ваш профиль был!

– Да он же не падал! Мужчина, вы головой ударялись?

– М-м-м-м... Угу.

– Вот! – фельдшер победоносно ухмыляется.

– Да вы сговорились! – хирург обреченно подписывает карту вызова. – У вас минута, чтобы убраться отсюда, и чтобы больше я ваших тут не видел!

– До скорого, – коварно улыбается Ренат, и мы отбываем, едва не снеся закрывающейся дверью голову неосторожному санитару.

* * *

Мы сделали еще пару вызовов, и с каждым часом лицо Рената приобретало все более нездоровый вид. Анальгина в сумке больше не осталось, да он особо и не помогал. Фельдшер возлежал на носилках, подложив под поясницу одеяльце из акушерского набора и созерцал перегоревший фонарь

на потолке салона.

– Как чувствуешь себя?

– Плохо.

– Может, отпишемся в больничку?

– Нет.

Фельдшера упрямые. Они не чувствуют, когда заболели, а может, чувствуют, но молчат. Ходят с угрюмой мордой, а потом вдруг падают, и спасай их. С линии всегда можно отписаться, а утром открыть больничный. Но они держатся до последнего. Сидя на больничном, не заработаешь ничего. Я вспомнила, как отписывали с линии врача с пневмонией. Вышел на работу, никому не сказав про температуру, и ходил, кашляя по углам, пока диспетчер не затащила его в перевязочную, сунув под мышку градусник. Старший фельдшер ругалась, зачитывая по памяти положение о санэпидрежиме, а он лишь хлопал воспаленными глазами, не понимая, как доктор может кого-то заразить.

Андрюха выкрутил передатчик погромче. По радиации мат диспетчера, и областная бригада заблудилась в двух селах, попутно вместо одной роженицы подхватив двоих.

* * *

– Быстрее! Так долго ехали... Задыхается, сделайте уже что-нибудь!

Желтые от застарелой мочи простыни на раскладном ди-

ване, кислородный баллон, маска, 40 килограммов высушенного раком тела.

– Он ведь у вас онкологический? Опухоль в правом легком, если не ошибаюсь.

– И что теперь, ему не жить? Что вы стоите?!

Пульсоксиметр на палец, фонендоскоп в уши. Вдох-выдох, намеренно растягиваю движения, так почему-то работать получается быстрее.

– Скорая до этого приезжала? Что обычно принимает?

– Преднизолон. Что вы со своими вопросами, в самом деле?!

Два курса химиотерапии оставили от вен тонкие синие тени. Доступ затруднен.

– Да сколько можно над человеком издеваться?!

– Женщина, выйдите из комнаты и психуйте за дверью.

– Але, скорая, вы кого прислали, требую нормальную бригаду! Вызовите реанимацию!

– Ренат, что делать-то будем?

– Ничего, выходи из вены, выкидывай шприц. Эй, женщина, хватит панику наводить, сделали мы инъекцию!

– Ренат, мы же...

– Заткнись.

Цифры на экране пульсоксиметра медленно ползут вверх. 90, 91, 97. Кожные покровы медленно розовеют.

– Ой, доктор, спасибо от души, извините, что я так. нервничаю. 30 лет вместе. первого похоронила, а второй. тоже,

вдовой заделалась, за какие грехи? Не отдам, не отдам!

— Да нервничайте на здоровье, только не под руку, пожалуйста! Держитесь.

* * *

— Ренат, а как мы его. Я же не попала!

— Да откуда я знаю, Маш, как оно работает?! Спасли, и хрен с ним. Себя бы полечить теперь.

— Еще анальгин?

— Хорош. Дай мне укладку.

Я лезу в карман за оранжевой коробочкой с надписью «аптечка индивидуальная». В коробке две ампулы трамадола — препарат строгой отчетности. Ренат изучает прозрачное содержимое ампулы на свету. Наркотический анальгетик.

— Списать-то, конечно, можно. — размышляет он вслух. — Но я же потом не слезу.

И возвращает укладку мне.

* * *

Домофон выключен. Темнота за подъездной дверью смотрит негостеприимно. В животе становится холодно. С каких это пор я боюсь вывернутых лампочек? Инстинкты предупреждают. И я выставляю руки с кардиографом вперед. Не

оглядываться. Ренат тоже как будто что-то заметил. Задвигает меня за спину и делает первый шаг в темноту. Вспышка света включенного фонарика.

— А я вас давно жду.

Голос низкий, тихий. Просительный. Казанцев. Ну разумеется, кто же еще? Я зажимаюсь в угол, упираясь лбом в холодную стену. Страх куда-то делся, тянет блевать.

Казанцев вызывает каждый день. Роста среднего, телосложения «пивного», неспортивного, предпенсионного возраста. Всегда пьян и неопрятен. Жалобы предъявляет разнообразные, а по факту обследования обнаруживается лишь хронический алкоголизм. Домофон у него не оплачен, встречает в подъезде. Из одежды на нем одни штаны, и те без резинки, Казанцев поддерживает их полными руками, едва обхватывая свисающие по бокам жировые складки. На голове кол грязных светлых волос, лицо потное, красное, стойкий перегар. В руке ножка от табурета с выступающим на конце гвоздем. Я представляю, как мне сейчас придется осматривать, а затем лечить это никчемное неухоженное тело, и тошнота накатывает все сильнее, а табуретная ножка вызывает опасение, особенно мне не нравится гвоздь. Я стараюсь не отводить от нее взгляда.

Казанцев провожает нас в квартиру. Света нет, отключен за неуплату. Я пытаюсь обхватить пространство квартиры фонариком, Ренат вздыхает и достает из бездонных карманов своей куртки лампочку на 60 ватт, забирается на стол,

на ощупь вкручивает в цоколь. Лампа вспыхивает тусклым светом. По углам разбегаются тараканы. Под ногами шуршат обрывки газет. Пустые бутылки, пепельница, тарелка с остатками еды на полу и новенькая плазма на полстены. Телевизор настолько выбивается из общей картины, что на секунду отвлекает мое внимание от ножки и гвоздя. Вспомнив об этом, я быстро разворачиваюсь, не упуская из виду широкую обнаженную спину. Казанцев нагибается за обрывком кардиограммы, оставленной предыдущей бригадой, забывая в очередной раз придержать свою пижаму. Штаны падают. От открывшейся панорамы мне становится совсем нехорошо, и я смотрю на Рената взглядом, выражающим желание убраться побыстрее.

– Положите запчасть от мебели на пол, – командует Ренат.

Казанцев замирает в раздумьях, сфокусировав взгляд на острие гвоздя. Нехотя оставляет ножку на пороге и проходит в комнату. Ренат повторно оглядывает помещение в поисках травмоопасных предметов и, кажется, остается доволен. Измеряет давление, просит меня снять кардиограмму. Казанцев располагается в постели, никак не может вместиť свои бока на продавленном диване.

– Девушка, вы же помните, я уколов боюсь, – напоминает стеснительно.

– Помню.

Помню, что в вену не боится, а в задницу боится. Потому что не видит сзади, что происходит. Над кроватью обры-

вок фотографии прищиплен булавками к обоям. На обрывке одно лицо, женщина, немолодая, улыбается. Я накидываю электроды, поправляю подушку в изголовье. Из-под подушки вываливается короткий кухонный нож. Я незаметно подбираю его в карман, пробую острие на палец, туповат. Ренат открывает карту, не время и не место писать, но дело его. Изучив кардиограмму и выслушав жалобы, Ренат изрекает:

– Симулянт.

Казанцев смотрит недоуменно. Я предупреждающе скрепчиваю руки, но Рената уже задело и, кажется, понесло.

– Сколько. Можно. Пить? – Ренат отбивает ударение на каждом слове. – Нас ждут инсульты, инфаркты, ДТП. А ты. Бухаешь. У тебя. Поднимается. Давление. Тебе – плохо. Так?

– Так, – Казанцев опускает глаза.

– Может, тебе закодироваться, а? – голос у Рената совсем усталый и хриплый.

– Я пытался... – Казанцев хлопает носом. – Болею я. Горло болит. У вас нет леденцов? От горла? Пососать?

– Есть. Только не леденцы, – Ренат говорит тихо и отрывочно. – Еще раз сюда приеду – я тебя вылечу. И ты больше. Болеть. Не будешь. Забудь этот номер, 03, и не звони больше!

– Не буду, – Казанцев расплывается в идиотской улыбке. – Я буду 112 звонить. Я завяжу. Хочу в армию, прапорщиком. На складе работать. Возьмут меня? А может, мне инвалидность оформить?

– А может, тебе велосипед купить? И чай ромашковый? В

аптеке? – предлагает Ренат. – Он успокаивает, спать будешь хорошо, не будешь звонить по ночам. Простуду вылечишь. А мне тут делать нечего. До свидания.

Он разворачивается, подхватывает аптечку и выдвигается к двери. Я следую за ним спиной вперед, прикрываясь кардиографом. Казанцев смотрит на нас печальным щенячьим взглядом, а затем, оскалившись, хватает трехногую табуретку (ей и принадлежит та ножка с гвоздем, успеваю сообразить я) и швыряет в нашу сторону. Я падаю на пол, прикрывая голову руками (откуда у меня такие рефлексy?), Ренат увернуться не успевает и оседает возле двери.

* * *

Я слышу свой пульс. Каждый удар отдается глухим стуком в голове. Я сижу на полу в обнимку с кардиографом. Хочется спать. На лбу у Рената красным венчиком промокает повязка, седина окрашена кровью. Казанцев выламывает дверь ванной изнутри. Я не помню, как его там закрыла, как нашла в карманах обмякшего тела Рената рацию. Скоро должна прибыть вторая бригада. Полиция тоже вызвана, но ждать ее бесполезно. Я засовываю руку в карман и вытаскиваю забытый нож. Вытираю о куртку и оставляю под подушкой. Ренат приходит в себя, смотрит недоумевающим от несправедливости, каким-то детским взглядом. На пороге мелькает форменная куртка знакомой расцветки. Я закры-

ваю глаза.

* * *

Ренат госпитализирован с диагнозом «черепно-мозговая травма легкой степени», меня возвращают на линию, прикрепляют к другой бригаде. Смена продолжается. Ренат через две недели поправится и выйдет на работу. Через полгода состоится суд, на котором Казанцева признают недееспособным и приговорят к общественным работам. Он продолжит вызывать 03, и мы будем к нему приезжать. Каждый день. Не отводя взгляда от трехногой табуретки.

* * *

Это люди. Они – странные сплетения мыслимого и невозможного. Стоит увидеть в них знакомые очертания, как они тут же сменяются отчужденной абстракцией. Их невозможно ненавидеть, но и любить их я больше не могу. Люди сломаны. И что с ними происходит такое, что могло их так изуродовать? Заглянешь внутрь – покореженные все. Человек сам себя ломает похуже любых обстоятельств. Я вижу то, на что падает свет. И не оборачиваюсь.

Мама, я на вызове!

Одиссея – длительное путешествие, названное в честь единственного выжившего.

Разговор в больничной палате

На улице Вольской застрял троллейбус. Ехал себе в никуда, в кольцевую, поглощал и выплевывал пассажиров, а ночной шторм погнул и сломал тяжелые ветки тополя, а ветка порвала провода на линии 15-го маршрута. Троллейбус уперся кривым рогом в пустое пространство – и застрял.

Я отхожу от окна, за которым сигналият, волнуются и опаздывают, нестройно и в хор матерят застрявший транспорт, а транспорту хоть бы что, застрял себе и стоит. Я захожу на кухню и вижу жующего Костика.

Костик закупался на сутки в соседней шашлычной, там самый вкусный шашлык в городе, а «скорякам» соседней подстанции по вечерам бесплатно. На Костике сегодня ритуально черный хирургический костюм и новенький двухканальный фонендоскоп на шее. Костик последний раз брился в прошлом месяце и тогда был похож на ошипанного цыпленка, о чем ему дружно и сообщили. С тех пор Костик – борода. Костик торопится, глотает мясо, сплевывает кости, давится, сам себя стучит по спине. От завтрака ему остается минута до...

– Девятая машина, вызов, вызов, Костик, поехали!

Костик поднимается из-за стола, и на кухне становится темно, потому что Костика всегда много. Я бы сказала, что Костик похож на шкаф, но, в отличие от шкафа, он много и не всегда по делу шевелится, но если уж зашевелился по делу, то дело будет. А еще он любит обниматься. Обнимает всех, кого видит, с размахом, с чувством, так что дыхание пере.

– Чего не дышишь, тварь болотная? Поехали!

* * *

Водитель девятой машины говорит короткими невнятными предложениями, единственные разборчивые слова в которых – это мат. Увидев меня, шофер выдает вопросительную фразу, по смыслу близкую к «это кто?».

– Чего, не видишь? Начальство бабу выдало, – огрызается Костик.

– А? – интересуется водила.

– Ну ты даешь, Леха! Не знаешь, зачем бабы нужны? Чтобы любить!

– А-а-а! – глубокомысленно изрекает шофер Леха и заводит мотор.

Следующие 10 минут поездки напоминают все взрослые аттракционы разом: Леха принципиально несется только по встречке, миллиметражно «облизывает» заборы и столбы,

последовательно нарушает все пункты ПДД и фамильярно сигналил встречным гаишникам. Костик, исчерпав запасы отборного мата, теряет надежду внушить водиле основы ТБ и возвращается к теме моей профпригодности.

– ЭКГ умеешь снимать?

– Да.

– Хотя что-то.

– А еще я буквы знаю! – не выдерживаю я.

– Да быть того не может! – поражается Костик. – А родов не боишься?

В моей практике было всего двое родов и одно кесарево сечение, и все разы я работала скромным наблюдателем процесса.

– Не боюсь.

– А я вот боюсь, – печально признается фельдшер. – Срабатываемся.

На место вызова мы благодаря Лехе прибываем в рекордно короткий срок. Набираю номер, домофон натужно прозванивает пустоту квартиры и возвращает нам эхо сигналом ошибки. Костик на пробу дергает дверь, оценивая вшивость магнитного замка, и одним рывком выносит ее, едва не оторвав ручку.

– Мощно. Меня научишь?

– Замок слабый, – отмахивается первый номер, – меня так один доктор научил. Вот он любые двери выносил, даже звонить не пытался... Правда, там дури было немерено.

По лестнице Костик поднимается медленно, с одышкой. Тяжело, наверно, носить в себе такую мощь, думаю я, резво перебирая ногами следом. Больные всегда занимают последние этажи хрущевок, замечено с годами практики. Пока мы поднимаемся на пятый этаж, в моей голове проносятся факты из нехитрой биографии фельдшера: родился и жил в неблагополучном цыганском районе, после школы сходил в армейку, затем год проработал грузчиком и решил «повидать жизнь», для чего устроился на скорую, когда были еще вакансии санитаров. Сообразительность его заметило начальство и направило на учебу в колледж. После колледжа продолжил работу в качестве фельдшера. По приобретении семилетнего стажа то же начальство предложило ему выучиться на врача, но Костик отказался, сославшись на то, что для доктора он туповат и вообще хороший фельдшер лучше, чем плохой врач. На женщин Костик был слаб, но преимущественно на толстушек. Женщины станции Костика любили, и, наверное, каждая из них в свое время пыталась затащить его в ЗАГС, однако, несмотря на их усилия, двадцативосьмилетний фельдшер до сих пор оставался холостяком.

Звонок в дверь. «Открываем!»

– Что у нас случилось? Сколько лет? Год? Давно живот болит? – по лицу Костика видно, что детей он любит чуть больше, чем беременных. – Не знаю. Может, чего съел. А может, аппендицит. Да не знаю я! Нет, таблетку дать не могу.

Могу отвезти к хирургу. Поедете? Тогда собирайтесь.

Сущность своей работы сам Костик описывал просто-«заходим, хватаем выживших и валим»: доехать до адреса, осмотреть больных, забрать нуждающихся в госпитализации, сдать в стационар, взять следующий вызов. За сутки он успевал обслужить, наверно, больше адресов, чем вся линия. Премию ему за это никто не обещал, но фельдшер придерживался принципа «раз вышел на работу – работай».

– Усаживайтесь поудобнее, ребеночка держите крепче. Просьба одна – держитесь. – И захлопывает дверь. Леха протестуяще высказывается в смысле «сломаешь».

– До нас десять лет сломать не могли!

Леха мычит, то ли соглашается, то ли осуждает и заводит мотор.

Я старательно не смотрю на дорогу, Костик звонит маме, объясняя порядок лечения какого-то дальнего родственника: «Мочегонные средства... и аспаркам, Леха, включи люстру, если уж по встрече едешь! Да, мам, мы тут больного ведем. Леха, ну е-мае, у меня там ребенок, а не дрова! Почему я все еще сирену не слышу? Мы на мигалках хоть гоним или на характере?»

– Я на этой телеге с 95-го! – отзывается Леха. – Я тут, мать его, каждое колесо чувствую! Все просчитано до миллиметра! – заявляет он и в доказательство своих слов резко тормозит в двух миллиметрах от соседнего бампера.

– Да твою ж мать рот наоборот! – Костик восхищается и

негодует одновременно. — Как ты прям любишь эти бампера! И чем дороже тачка, тем ближе к жопе, да, Лех?

Леха довольно улыбается, виртуозно лавируя между пешеходами на зебре.

В детской больнице к дежурному хирургу выстроилась очередь из дошкольников. Дети испуганно жмутся по лавочкам, дети реактивно носятся по коридорам, дети висят на взрослых. Несколько особенно тяжелых бессильно растянулись на стульях, испуганно смотрят на нас взрослыми глазами пациентов.

* * *

Тучи, не сползающие с атмосферы уже недели три, напились свинцовой тяжестью, и на улице начался мелкий дождик. Одним таким дождем смыло с деревьев последние листья, теперь ветер клеил их на все подряд. Без ветра было еще куда ни шло, но в том и беда, что вместе с осадками с запада пришел неприятный холодный ветер, температура воздуха понизилась еще на два градуса. В такую погоду люди пьют чай с имбирем и кофе с корицей, а мы продолжали гонять по городу, сбивать столбы и таранить иномарки. Леха, путаясь в мате и междометиях, рассказывает, как заказал по интернету новый смартфон, а контора мутит какой-то замес, и на звонки никто не отвечает. Костик лениво называет шоферюгу лошариком и развлекается чисто педагогическим

издевательством: гоняет меня по теории.

– Какой аппаратурой укомплектована линейная машина?

– Аптека, растворник, кислород, родовой, реанимационный, ружье...

– Что?

– Деф, он же дефибриллятор, Костик, я хоть и женщина, но не тупая! Детская реанимация, шины, инфузомат, носилки транспортные жесткие, носилки-трансформеры, кислород уже называла?

– Что еще?

– Огнетушитель, термос с чаем, ведро для мусора, отвертка Лехи для мать-его-ситуаций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.